

— Ну а чё ж он у тебя орать не будет? — бабка Лена подняла голову и строго посмотрела на Светлану. — У него грыжа как кольцо! Вот и мучается малец. . .

Она ласково провела рукой по ножке малыша, тот кричал, вздрагивал, сучил ручонками и таращил огромные глаза в незнакомое лицо.

— И что теперь? — напряглась Светлана.

— Что-что? Загрызатъ буду, ну и сливать от испуга, вишь, как дёргат его, видать, спугнули или дурной человек поглядел. . .

— Да не может быть! — запротестовала Светлана. — Я его чужим людям не показываю, да и при своих слова шепчу положенные. . .

— Эх, — махнула рукой бабка Лена. — Знаешь, так бывает, что и сама мать может оглазить ребёнка. . . Дивуешься парнем?! Охаетшь да ахаетшь, поди?.. Вот тебе и результат.

Светлана потупилась. Ведь бабка была права: поздний желанный первенец стал для неё светом в окне, озарившим её одинокую жизнь, материнская любовь переполняла и плескалась во все стороны.

— Ладно, ничё страшного, полечим, будет наш Васятка мужик мужиком! — и бабка Лена принялась улюлюкать и целовать крохотные пятючки.

Елена Васильевна величалась бабкой не по возрасту, было ей всего-навсего сорок четыре года, но статус «бабки» приклеился к ней без малого двадцать лет тому назад. Бог знает с каких времён некоторые женщины её рода обладали особым даром врачевания, который был и ею унаследован от умершей бабки. Много разного болтали шепотком люди о её таинственном поприще: некоторые считали ведьмой, водящейся с нечистой силой; многие, наоборот, имели убеждение, что она набожный человек, на которого снизошло Господне откровение; были и те, кто безоговорочно называл её шарлатанкой и мистификатором. Однако и те, и другие нет-нет да прибегали к её услугам, о чём в досужих разговорах распространяться не полагалось.

— Завтра к закату приду, полотенце приготовь, ну и дома чтоб народу чужого не было. . . — бабка Лена встала. — Луна на убыль пойдёт, самое время будет. . . Как раз за неделю и управимся.

— Хорошо, — кивнула Светлана и, спохватившись, спросила: — А что в подарок вам требуется?

Бабка Лена нахмурилась:

— Ты, девка, не торопись. Пока дело не сделано, какие отдарки могут быть? — но, увидев на лице матери испуг, Елена Васильевна мягко улыбнулась: — Поправим, тут сложного нет ничего. А в благодарность что хочешь подарить можно, хоть крупы какой, хоть отрез тряпки, главное, чтоб от души и не в жалость было, тогда и лечение впрок пойдёт, и мне и вам доброго прибавится! — и она направилась к выходу.

— Что ж вы, чаю не попьёте? — всполошилась Светлана.

— Да уж какой чай, час поздний, мне пора, да и пост нынче, а я ж, грешный человек, соблазнюсь на сладкое, вон у вас конфеты какие в сахарнице! — Елена Васильевна, причмокнув, указала на широкий стол у окна, где в аккуратной хрустальной лодочке горкой лежали шоколадные конфеты «Любимые».

— Ну вот! — заулыбалась Светлана. — Давайте чайку по чашечке. . . уж конфета-то не мясо, и в пост можно!

Елена Васильевна застыла в нерешительности, её маленькие мутно-зелёные глубоко посаженные глаза сузились в едва заметные щёлки, густые метёлки бровей сомкнулись в линию у переносицы, губы скривились, и всё её лицо исказила тягостная борьба с манящим искушением. Светлана тем временем, подбоченясь, кивала головой в сторону стола и весело подмигивала Елене Васильевне, подбадривая совершить незначительное, по её мнению, отступление от неизвестно кем выдуманных правил. Но надо было знать эту женщину, чтоб понять, что отступаться от принципов для Елены Васильевны было чем-то вопиющим, даже если это были обожаемые ею сласти!

Родилась она в тридцать третьем году в небольшом станке Сухая Тунгуска, в большой семье охотника-промысловика и доярки. До войны её детство было хоть и трудным, но радостным, а как пришла война — радость была навек забыта. Отец ушёл на фронт, где и погиб без вести — ни похоронки, ни пенсии мать так и не получила, вот и пришлось ей, как старшей, наравне с матерью младших своих четверых братьев-сестёр на ноги ставить и в люди выводить. Жизнь была бедная, но труд и тайга человеку пропасть не дадут, к тому

ж бабка Анисья жила под боком, она души не чаяла в Любушке (только так она называла Елену, оттого как родилась внучка в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи). Бабка Анисья лечила людей травами да заговорами, принимала роды, избавляла младенцев от различных недугов. Врачей тогда на Севере днём с огнём найти было нельзя, возили к ней больных даже с окрестных станков, и имела бабка Анисья огромный авторитет и поддержку со стороны народа, всякий считал своим долгом угостить старуху рыбой или другой какой снедью, а бабка невестку с выводком подкармливала, самый лакомый кусочек Любушке приберегала. Мать Елены Васильевны была безбожницей, так, для виду, а больше для свекрови Анисьи икону в доме держала да крестилась иной раз неумело; а вот бабка Анисья жила по Писанию, держала плоть в узде, а на слово Божье времени не жалела. Крестилась старуха широко, двумя перстами, громко провозглашая молитву на старославянском языке, била глубокие поклоны, а иной раз выстилалась перед иконами, и внучку учила чтить устав православный. С ранних лет бабка таскала Любушку свою по лесам да болотам, всё показывала, как искать травы да коренья да помнить, когда чему сбор и какое применение.

— Эвон, гли-ко, листок!— бабка Анисья ткнула пальцем в мутную воду, на которой виднелся едва заметный листочек на тонком и длинном черешке, пробивающийся из болотной жижи.

— Ага,— кивнула Любушка.

— Эт будь сильна трава— моромчанка, ща её брать нельзя, опосля корень еёный возьмём, посушим в потёмках на продуве, а дале будь лечёба добра!— А чё ей лечут?— любопытствовала Любушка.

— Разно чё! От боли всякой идёт, и в отвар, и сухим, только меру знать надо... дурной корень и отравить может насмерть. Ща оне голимый яд! От боли потом перво средство. У кого зуб долбит, сухого корня с игольно ушко отцепнул и туды сунул, дёрнет раз сильно— и сгинет боль, как не было. Затем полошши рот и плювай. А слив голова крутить начала, иголкой палец уколол да кровь бурую сдавливаш, чёб яд, стало быть, лишний спустить...— старуха засмеялась, глядя на удивлённую мордочку внучки.— Не боися! Всяка травка в наших краях и лечебна, и губительна, нет на Земли хорошего без плохого, во всё мерка положена, чёб и хорошим-то не сгубить...

— Не, бабка, не мож быть...— сомневалась внучка.— Вот сахар тот сладкий, что дядька Евсей тебе давича дал, он такой-такой вкусный! Чё ж, и от его могёт худое быть??!

— Могёт! Ещё как могёт! Порой искушенья разны обличья принимает, чашше сладки, манительны, а поддаться ему— что в бесовски лапы попасть, почитай страшнее яду будет!

— Нет!— наконец-то выдохнула Елена Васильевна.— Не уговаривай, Светлана! Пост, он на то и пост, чтоб соблюдать... В другой раз, если доведётся, отведаю конфеточку, с большим удовольствием!

— Что ж...— вздохнула Светлана и с добрыми напутствиями проводила гостью.

Следующую неделю, ближе к закату, через всю деревню ходила Елена Васильевна в дом Веры Григорьевны, где с нею проживала её тридцатилетняя дочь Светлана, вернувшаяся на сносях полгода назад из далёкого города.

— Ишь, бабка Лена к сахаровским ходит,— шепнула Манька-крикунья соседке, повиснув на заборе.— Уж седьмой день, всё в одну пору, хоть часы сверяй!— тихонько хохотнула в ответ Лизка, а затем обе приветливо проголосили:

— Доброго здоровья, бабка Лена!

На что Елена Васильевна лишь кивнула головой.— Ишь, молчком идёт! Значит, малого сливает,— таинственно произнесла Лизка.

— А ты почём знашь?— алчно вцепилась Манька.

— А тебе какой спрос?!— зло отрезала Лизка.

— Ну не злись, кума...— дёрнула недовольно плечами Манька.— Не хочешь— не говори...

Обе замолчали, глядя вслед знахарке, а когда фигура бабки Лены скрылась за дверью захаровской избы, Манька хихикнула:

— Ишь, Светка мыкалась-мыкалась по городам своим да вернулась, хвост поджав, брюхатая!

— Ага!— оживилась Лизка.— Говорят, мужика себе там нашла— страшней атомной войны! Да ещё и пьянь подзаборная!

— Точно!— вторила Манька.— Бил её как собаку, гулял как хотел, а под конец и вышвырнул!

— Вот, видать, парень-то и родился больной!— заключила Лизка.

— Ага, видать, совсем дурак получился!— закачала головой Манька.— Она с ним ходит, коляску завешивает марлей... Мож, совсем страшной— уродец?

Бабы глянули друг на друга и поморщились в отвращении.

— А мож, она от пыли да комара завешивает?— засомневалась Лизка.

— Сядь!— возразила Манька.— Что он у ей, сахарный, что ль? Уж и комар отошёл!

И товарки с упоением принялись судачить обо всех Светкиных странностях и злоключениях, основанных исключительно на Светкиной заносчивости и чрезмерной «умности»!

— Ну всё, бабоньки, закончили дело!— Елена Васильевна вышла сквозь цветастые шторы, отгораживающие кухню от комнаты.— Иди, мать, корми и пеленай Васятку!

Светлана поспешила к тихо кукующемуся малышу, а Вера Григорьевна кинулась вынимать из

буфета нарядные чашки, приглашая бабу Лену к накрытому столу.

Когда женщины наливали по второй чашке крепкого индийского чая, из комнаты вышла Светлана:

— Бабу Лена, большое вам спасибо.

— Да будет, будет!— закивала Елена Васильевна.

А Светлана, подойдя к буфету, вынула большой бумажный кулёк.

— Это вам!— сказала она радушно.

Елена Васильевна бережно взяла и аккуратно приоткрыла кулёк, по её лицу растеклась довольная улыбка:

— Вот угодила так угодила!

В пакете лежали те самые шоколадные конфеты в чёрной обложке с алыми розами по бокам.

Трескучие морозы сменились вьюгами февраля; неделями за окнами завывал ветер, закручивая в вихре снежные порывы, но в сердце Светланы царило долгожданное умиротворение: тревоги и переживания из-за расставания с прежней жизнью были забыты, теперь её десятилетнее городское существование казалось фантастически чужим, как долгий дурной сон; она была в родном доме, в родном мире. Света больше месяца работала пекарем, появились подруги, общение, сынок ходил в ясли и каждый день радовал её новыми выходками и повадками— жизнь обрела яркие краски.

К четырём часам дня горячий хлеб погрузили в ящики, укрыли ситцевым полотном и плотным брезентом, извозчик стеганул хлыстом, и лошадка нехотя побрела по снежной броди, пекаря отправились по домам, чтоб вернуться в пекарню к шести утра и начать новый цикл.

— Завтра, Света и Наталья, сдобу печь будете, булки— одна с маком, другая с изюмом, а хлебом я займусь,— на прощанье напомнила старший пекарь Нина Ивановна и, уже отойдя с десяток шагов, оглянулась:— Может, девчонок моих позвать вам на помощь?

— Не!— хором ответили Наталья и Света.— Справимся.

— Ну, смотрите!— весело прокричала Нина Ивановна, а про себя добавила: «Всё одно позову, всё же быстрее будет».

Деревня была большая (по северным меркам), около шести сотен человек, хлеб люди давно сами не пекли, а брали в сельском магазине. А зачем самому печь, если по цене то же самое выйдет, да ещё и время потратишь? Хлеб здесь стряпали хороший, девяностограммовые булки белого и полукилограммовые чёрного, раз в неделю, в пятницу, помимо хлеба, выпекалась сдоба, а в субботу пекарня делала полуторный оборот, то есть хлеба готовили в полтора раза больше, чтоб люди не сидели в воскресный день голодными;

в канун больших праздников пекарям приходилось звать в подмогу старшеклассниц, которые в зачёт ежегодной двухнедельной трудовой практики на производстве помогали формовать кренделя, ватрушки, булочки с повидлом, куличики.

— Ну что, привыкла уже к работёнке нашей скучной?— поправляя платок, хитро спросила Наталья.

— Привыкла давно!— ответила Света и, подмигнув, добавила:— Скажешь тоже— «скучной»! Что ни день, то веселье: как белки в колесе, носимся от котлов к печи и обратно!

— Да уж!— согласилась Наталья.— Я за семь лет так обвыкла, что в полной темноте могу любую работу делать, а наша Нинуся— та вообще с самого сотворения пекарни в ней работает. Видела, какие у неё ручищи? Как у мужика! Это на моём веку здесь и тестомешалка электрическая появилась, и печь с барабаном электроприводным, а раньше всё вручную делали!

— Ничего себе!— изумилась Светлана и тут же вздрогнула.— Точно! Раньше ведь пекаря-то всё мужики были!

— Во-во! А я пришла сразу после школы в пекарню техничкой, мыла да печки топил. Ох, влетало по первости... то просплю, то ещё что. А помнишь, старик Ефим, ну?

— Угу...— кивнула Светлана.— Двухметровый дед, я его, помню, так боялась...

— А как я его боялась! Жуть!!! Как зыркнет глазами исподлобья— аж кровь в жилах стынет! Вот он этот огромный чан месил— куда там нашей теперешней тестомешалке! Нелюдимый был, суровый дед, но знаешь, сейчас понимаю, что не злой вовсе, просто это внешность у него такая была...

— А где он сейчас?

— Да помер, года полтора уж, поди... Царствие ему небесное!— Наталья на мгновение погрузилась, а после продолжила:— Ему уж годков-то было за восемьдесят! Работал на пекарне до последнего, считай, лишь за год до смерти, когда болеть стал, ушёл на пенсию. Вот люди-то были! Я только после его смерти узнала, что был он когда-то кузнецом лучшим в Зыряново, войну прошёл и даже осколок в теле носил— видимо, оттого суровым таким был.

— Ничего себе!— изумилась Светлана и грустно сказала:— Какое счастье, что мы войны не видели. А на их долю такая жизнь выпала... не приведи Господи!

Наталья согласно закивала, а Света продолжала:

— Вот на сына своего смотрю, радуюсь, а порой сердце так защемит... Думаю, какая жизнь ему на веку выпадет?..

— Эх, подруженька,— весело перебила её Наталья.— Добрая жизнь ждёт! Добрая! Это ты поздно родила, и первый он у тебя, вот и мнится тревога разная; а я первого к девятнадцати, второго к двадцати двум, а девочку в двадцать четыре, а сейчас

гляжу на этих спиногрызов и думаю: их никакая холера не возьмёт, прости Господи, хоть крючья в потолок вбивай, чтоб по потолку ходить удобнее было!

— Да уж, веселуха у тебя!

— Ещё какая! — засмеялась Наталья. — Ну вот, до перекрёстка дошли, тебе направо, а мне налево... А давай вечером в кино сходим? Пусть мой Ванька с ребятами хоть раз посидит, а то как упрётся на дизельную к мужикам покурить, так и до ночи там ошивается, чтоб детский визготок не слушать!

— А давай! — согласилась Света.

— Договорились! Ты, если не передумаешь, подойди до меня к восьми часам, посидим, чай попьём, букли покурим, чтоб красивыми на люди выйти!

Но сходить в кино в этот вечер подружкам не удалось... Подходя к дому, сквозь мутные стёкла кухонного окна Светлана заметила мрачные тени, а войдя в дом, увидела растревоженную мать и мучительно забытого ею мужа.

— Здравствуй, Света! — произнёс он с вызовом.

— Ну! — зло выдохнула Света.

Они оба замолчали, метая друг в друга испепеляющие взгляды.

— Господи Иисусе... — всплеснула руками Вера Григорьевна и принялась греметь чашками.

— Так и будешь стоять на пороге? — сжав губы, процедил бывший муж.

Светлана ехидно хмыкнула, лёгким движением скинула пальто, резко сдёрнула шапку и, выпрыгнув из валенок, подсочила к нему вплотную:

— Ты чего сюда припёрся? Тебе кто позволил сюда явиться? Как в твою башку такое пришло? — шипела она, как змея.

Он не ожидал такого натиска и неловко пятился от атакующей Светы.

— За тобой приехал... за ребёнком... вернуть вас... Ты чего, Свет?..

Пережитые боль и обида мгновенно разожгли безудержную ярость:

— Дрянь ты, Серёжа! Дрянь! Некого тебе возвращать! Нет у тебя никого и не было! Слышишь меня: нет! Убирайся прочь! Сейчас же, сию минуту, чтоб духу твоего в моём доме не было!

Серёжа стоял молча как вкопанный.

Света оглянулась на мать.

— Он рейсовым прибыл? — спросила она железным голосом, на что мать, утирая слезу, кивнула.

Светлана кинулась к вешалке, схватила его модное пальто и швырнула ему в руки.

— Собирайся! — скомандовала она. — Как прибыл, так и отбудет! — она глянула на часы. — Через час самолёт обратно. Успеешь!!!

Рослый, коренастый Сергей с выразительным мужественным лицом выглядел жалким размазнёй рядом с хрупкой, невысокой Светой. В её глазах сверкала молния, и весь её всклокоченный вид

говорил, что стоит она в одном шаге от самого страшного преступления, на которое способен человек, и любой неправильный жест, слово и даже случайный звук станут фатальными.

Сергей спокойно надел пальто, так же спокойно прошёл к вешалке, снял с крючка кроличью ушанку, медленно повязал шарф, надел блестящие ботинки и, схватив в руку маленький чемодан, обернулся на пороге:

— Как знаешь, Светка... Уговаривать не стану, спрашивать тоже. Всё так всё! Только потом обратно не просись, когда вконец надоест коровам хвосты крутить.

— Всё сказал? — рявкнула Светка. — Вот Бог — вот порог! Проваливай!

Сергей громко захохотал:

— Ну и дура ты...

Открыв дверь в сени и занеся ногу на порог, он не удержался и спросил:

— А кто у меня — сын или дочь?

— Никого! — стиснула зубы Светлана.

— А! — кивнул Сергей равнодушно. — Ну, как там по-вашему... «прощайте!» — и, грубо хлопнув дверью, выскочил.

Вера Григорьевна опрометью кинулась к дочери. — Света, Света... — зашептала она. — Может, ты зря это? Он же отец, язви его в душу... Отец родной Васятки нашего...

— Нет, мама, нет, — иступлённо повторяла Светлана.

— Нехорошо так, дочь, не по-людски, родная...

— Всё решено и сделано давно, оставь этот разговор, — строго посмотрев на мать, отрезала Светлана.

— Хорошо, — послушно согласилась мать.

Светлана метнулась к окну комнаты, сквозь которое ещё виделся удаляющийся силуэт Сергея, бросив вслед ему пару проклятий, затем вернулась к матери и заговорщицки сказала:

— Ты за парнем сейчас в ясли пойдёшь, только иди дальней дорогой, чтоб с этим не пересечься где-нибудь, а я до бабки Лены схожу, воды святой принесу, чтоб дом окропить и от этого скверного духа очистить.

Вера Григорьевна закивала и принялась торопливо собираться.

— А если он, дочь, не улетит? Вдруг на рейс не возьмут или ещё чего?

— Улетит! Эта змея подколотная везде втиснется, если ему надо! А ему надо!

— Водицы я тебе налью, Светлана. Как не налить?! Налью! Только душу тебе надо очистить, много яду ты произвела, не выпустишь его — отравит тебя... — действительно произнесла Елена Васильевна. — Снимай одежду, дело долгое, будем вечерню служить...

Елена Васильевна зажгла перед Божьей Матерью крохотную лампадку и, наложив на себя три

крестных знамения с глубоким поясным поклоном, оглянулась на Свету:

— Чё стоишь? Иди сюда...

Светлана неуверенно подошла к бабке.

— Как крестишься, двумя перстами или щепотью?

Света недоуменно хлопала глазами.

— Крест-то вообще носишь?

Света отрицательно покачала головой.

— Эхма! А крещёная хотя б?

— Крещёная была, бабка настояла, и меня крестили,— ответила Светлана уверенно.

— Не была,— поправила её Елена Васильевна,— а есть! Крестят один раз и навсегда! И крест носить положено, раз православная, это первая защита от всякого зла, и мальчика своего при случае крести обязательно. Так, а когда-нибудь молилась, молитвы знаешь?

— Слышала...— шепнула Светлана.

— Ну, уже хорошо. Значит, делай так...— бабка Лена медленно перекрестилась.— Я крещена в старой вере, оттого два перста, а ты, поди, в новой— значит, в щепоть пальцы собирай... По мне, особой разницы нет, как к Богу обращаться, важно, чтоб от сердца голос твой шёл. Становись рядом да молитву слушай, проси сердцем прощения у Господа за вольные и невольные прегрешения да со мной крестись... Поняла?

— Хорошо,— приготовилась Светлана.

Тихим напевным журчанием потекла неясная речь бабки Лены, обращённая к самому Всевышнему. Светлана устремила свой взгляд прямо в глаза Богородице. Старинная икона на деревянной доске поблёскивала тёмным лаком в сиянии яркой лампы.

— Божья Матерь, прости мою душу грешную!— шептала Света в такт нарастающему звучному речитативу бабки Лены.

К завершению вечерни Светлана горько расплакалась.

— Плачь, моя, плачь!— гладила её по голове Елена Васильевна.— Бог простит, за всё простит и ото всего уберёжёт!

Вернулась Света домой в девятом часу, опустошённая, но светлая. Протянув матери банку с намоленной водой, сев у порога на пол, она спросила:— Как Василёк?

— Ушомкался, спит. А ты чего так долго?— недоброльно нахмурилась мать.

— Надо было... Давай, мама, чаю попьём...— жалобно попросила Света.

— Давай. Ты нынче, поди, не ела ещё?— мать засуетилась у стола.— А родимец улетел. Я из яслей шла, «аннушка» на реке загудела, почтальона встретила, он и сказал, что пассажир важно одетый с ридикюлем, что в деревню прилетал, отбыл...

— Вот и слава Богу!— перекрестилась Светлана.

— Слышала, кума, новость?— отряхиваясь от снежной пыли и отпыхиваясь от быстрого бега, брызнула Лизка.

— Чево?!— разевая от любопытства рот, задыхнулась Манька-крикунья.

— Люди говорят, нынче человек важный прилетал, спросил у самолёта про Светку захаровскую и до них напрямик ходил, где-то с час побыл, к площадке вернулся и на этом же самолёте улетел!— Да ты чё?!— захлебнулась слюной Манька.

— Вот тебе и чё! Я его сама мельком видала, сразу смекнула, что не простой человек, высокий такой, статный и с лица хорош, одет, знаешь, по моде, не то что наши мужики!

— Ага, ага...— кивала головой Манька, боясь потерять хоть одно слово из умопомрачительной новости.

— Я так думаю, это человек из органов...— Лизка скривила многозначительную мину.

— Ух!— вырвалось из Маньки, а Лизка торжествующе продолжила:

— Видать, мужик нашей Светульки натворил в городе делов, мож, ограбил кого, или убил, или того хуже— иностранцам продался...

Манька недоверчиво скривила рожу, но Лизка со знанием дела настаивала:

— Чё кривиться-то? Я тут «Сегодня в мире» смотрела, знаешь, какая сейчас в мире напряжёнка! Иностранцы разведки на любую подлость идут, а Красноярск— стратегический город, там на любом заводе сто государственных тайн!!!

Манька закивала.

— Вот!— продолжила Лизка.— Приехал он, значит, сходил до них, допрос произвёл, предупредил и прочее, что положено, и улетел.

— Да уж! Чё творится в мире-то!— всплеснула руками Манька.

— И не говори!— счастливо расцвела Лизка.

С самого утра Светлана Евгеньевна пару раз бегала до угора и обратно, на три раза вымыла избу, в четвёртый раз протёрла рюмки и чайные чашки, пять раз подогрела «подстывшие» щи и всё металась от окна к окну в ожидании, когда же белой точкой на горизонте в голубом сиянии Енисея появится теплоход. «Сын! Сыночек! Васенька! Васенька едет! Родной, долгожданный!»— рвалось из её сердца.

Долгих три года прошло после их последней встречи. Сразу после армии остался Вася в городе, где работал на стройке, жил в съёмной квартире, оттого бывал у матери редко... Этой весной исполнилось Васильку ни много ни мало, а тридцать лет. Горько переживала Светлана Евгеньевна, что к своим взрослым годам сын ещё не женат и в ближайшее время ей не доведётся понынчить внуков.

Уже пять лет как Светлана Евгеньевна пребывала на пенсии, но заскучать себе не позволяла:

с удовольствием гостевала и принимала многочисленных подруг, по зимней поре ходила на край леса на лыжах, вышивала крестом картины, вязала на продажу свитера с замысловатыми узорами, с весны до осени трудилась на земле — её цветник был самым красивым и ухоженным в деревне. Но каким бы делом она занята ни была, все её мысли витали далеко, рядом с любимым сыночком Васенькой.

Так уж вышло, что личная её жизнь не сложилась. Женщиной она была приятной и работящей, оттого многие мужики сватались к ней, а один и ей по сердцу пришёлся, но семилетний Васятка не позволил послушной матери замуж выйти: «Не нужен нам, мама, дядька чужой в доме, нам и так хорошо!» И как ни убеждали её Вера Григорьевна и лучшая подруга Наталья, не смогла она через любовь к сыну перешагнуть.

«Эх, Света, Света, зря ты с Фёдором не сошлась, хороший мужик, по тебе скроен был... — сказала ей укоризненно бабка Лена, встретив как-то у родника. — Залюбила ты Васятку своего! Ох залюбила! Плохо это». — «А чего ж плохого, что я сына своего, свою кровиночку, люблю?» — «С того, что и от хорошего худо может быть... Во всём мера нужна!»

Иногда, в часы тяжкого одиночества, когда белый свет не радовал, а злил, и заставить себя заняться делом не было никаких сил, Светлана Евгеньевна вспоминала кажущиеся ей пророчески-злыми слова бабки-ведуньи и бессильно плакала, вспоминая и первую свою, жестокую, и вторую, несостоявшуюся, любовь к мужчинам... — Евгеньевна! — глухо сквозь форточку послышалось с улицы.

Светлана Евгеньевна выскочила на крыльцо. — Евгеньевна! — кричал сосед Андрей, приколачивающий для сушки на фронтоне крыши медвежью шкуру. Заметив Светлану Евгеньевну, он возвестил: — Теплоход показался! — Ой ты! Слава Богу!

Мать тут же рванула к выходу; лишь добежав до калитки, она обнаружила, что босиком и в переднике. Всплеснув руками, она поворотила назад, развязывая сопротивляющийся узел, после кинула передник в сени, стремительно впрыгнула в туфли и с грациозной проворностью белки в три прыжка оказалась за оградой. Она не помнила о том, закрыла ли дверь в сени, затворила ли калитку, она не знавала встреченные ею лица, дома, улицы... В туманном дымке пронеслась деревня, и лишь когда ноги остановились на бережному яру, ясность зрения вернулась. Теплоход притормозил, пыхтя и чихая, по лёгкой волне побежал к берегу алый бот... Светлана Евгеньевна полетела с угора навстречу желанному счастью. Прильнув к широкой груди, мать задохнулась от радостных слёз. — Васенька, родной мой! — шептала она, вздрагивая всем телом.

— Мам, ну ты чего? Ну мам! — бубнил растроганный Вася, ласково похлопывая мать по спине. — Всё! Всё, сын, не реву! — Светлана Евгеньевна, утерев горошины слёз, уже спокойно посмотрела на сына.

Отпрянув от матери, Вася отступил в сторону и торжественно произнёс:

— Мам, а это Алина — моя жена!

— Ты женился? Как? Когда? — растерянно лепетала мать, но Вася её не слышал, а продолжал говорить:

— Алина, это моя мама! И твоя теперь тоже!

— Здравствуйте, Светлана Евгеньевна, — Алина протянула правую руку матери.

Та от обескураженности недоверчиво протянула для приветствия левую...

Вася, заметив неловкое замешательство, энергично поторопил своих женщин:

— Ну что, девки, окаменели? Идёмте к дому, а то одно из двух: либо тут кони пустим, либо с голоду пропадём, я уже два дня нормально не обедал, — и, подхватив в руки огромные сумки, он наигранной строгостью спросил у матери: — Шей ядрёных наварила? Оладий напекла? Самогон остудила? — Всё как ты любишь, сынок! — оживилась Светлана Евгеньевна. — И рыбки нарезала, и салатик с огурцов построгала!

— Вот это другое дело! Идёмте!

Усидеть за праздничным столом Светлане Евгеньевне было невмочь, хотелось ей всем и сразу угостить дорогого гостя, то и дело она вскакивала, бежала то в погреб, то в кладовую, принося всё новые и новые угощения, для которых уж и места на столе не было!

— Ну мам, ну хватит уже! Всё попробуем, не суетись! — смеялся Вася, и, уловив момент, когда мать в очередной раз села за стол, он, кивнув Алине, торжественно начал:

— Мы с Алиной не в гости приехали, а насовсем! Алиночка — фельдшер, она по договору оформилась к нам в деревню в ФАП, заместо прежнего, а я, соответственно, котельную фаповскую обслуживать буду и комплексные работы по ремонту здания проводить! Так что на пять лет точно задержимся!

Мать онемела, она перевела немигающий взгляд с невестки на сына.

— Мам, ты чего?! — Вася коснулся её руки, а затем весело подмигнул: — От радости в зобу дыханье спёрло?

Мать засмеялась:

— Ой спёрло! Как спёрло! — голос её стал глубоким. — Я и подумать не могла о таком счастье, всё печалилась, что живёшь ты далеко, ни семьи, ни работы хорошей, по съёмным углам мыкаешься... А тут такое!!! — на её глазах выступили слёзы.

— Ну вот, опять реветь собралась! — всплеснул Вася.

— Не буду, не буду... — обещала мать и, собрав силы, широко улыбнулась.

— Вот и мы с Алиной так подумали: жили полтора года, мытарилась, три раза переезжать из квартиры в квартиру пришлось, на автобус...

— Так вы уж полтора года живёте? — перебила мать.

— Ну да. На автобусах до работы по полтора часа... — продолжил было Вася, но мать снова вклинилась:

— А ты и не говорил ничего...

— Мам, ну чего говорить, когда всё ещё нерешённым меж нами было? Вот, дорога по полтора часа туда...

— Как это нерешённым было, когда жили уж?!

— Ну мам, ну ты прям как в самом деле... — Васе не удалось подобрать подходящее сравнение, он нахмурился. — Ты чего, может, и правда не рада? — Что ты такое говоришь! — возмутилась мать и, поёжившись от неловкости, ласково попросила: — Ты, сынок, рассказывай. Алиночка, кушай салат, а то прям не ешь ничего...

Вася ободрился:

— Ну вот, так и жили, полдня в автобусе трясёшься, на работе пашешь, а домой только спать, куча денег на квартиру, транспорт... в общем, надоело всё! А тут Алине...

Вася зацепил вилкой груздь и, погрузив его в рот, причмокнул от удовольствия. Тем временем вступила Алина:

— А я узнала о новом предложении для молодых специалистов, в Интернете нашла, обратилась в краевое управление с заявкой... там рассмотрели и предложили два варианта...

— Грузди — просто шедевр! — прожевал Вася. — Она мне рассказывает, куда предлагают, а я сразу остолбенел: наша деревня! Само собой, решение приняли сразу.

— А чтоб и Вася здесь работа была, мы и расписались по-быстрому. Мои родители тоже в шоке были, когда я им по телефону сообщила...

— Вот, Вася, Алина сообщила, а ты и не сообщил даже! — мать с укоризной глянула на сына.

— Мамуль, я ж сюрприз готовил! Ну знала бы ты, суетилась, переживала... А тут в один день все новости!

— А ну тебя! — взмахнула она рукой и рассеянно улыбнулась.

Много раз в счастливых грёзах виделась Светлане Евгеньевне желанная жизнь, как будет она жить одним миром с сыночком Васенькой, представлялась его жена — красивая хозяйюшка, добрая, послушная и даже кроткая, детишки — обязательно двое, мальчик и девочка, будто ангелочки, курчавые да ласковые. Уже давно свыклась она с мыслью, что забрал Васятку город безвозвратно, что стал он городским человеком, суетливым и отстранённым. Мнилось, что вот-вот сыночек

поймает за хвост удачу и появятся у него и машина, и квартира, и прочая важная обстановка! Но не только мечтала мать, хлопотала бесконечно, всякую копейку откладывала на тайный счёт, чтоб по случаю сыночку в деле помочь, а ещё встала в очередь на переселение, чтоб однажды получить сертификат и преподнести его сыну... так они бы вдвоём и квартиру справили, и зажили счастливо. Но что наши мечты — реальность иногда преподносит такие сюрпризы, которые невозможно вообразить самой бурной фантазии. События разворачивались куда лучше, чем можно было желать: сын женат, наконец-то рядом, по их договору они получают хорошие деньги, а сколько ещё заработают за пять лет, не тратя на проезд и аренду, — стало быть, и жильё смогут приобрести сами... а пока суть да дело, глядишь, и ребёнка родят, а может, и двух, опять же материнский капитал получат! Но странная тревога скребла материнскую душу... «Кто она, эта Алина? Какая? Что нашёл Васятка в этой невзрачной девице? Глазки хитрые, лисьи, размалёванная, как кукла, когти на полметра торчат лопатами... Ей уж, поди, лет двадцать пять, а одета как девочка семнадцатилетняя, топик бесстыжий — пуп наголе с кольцом да бусиной, грудь голая из-под трикотажа светит, шорты срамные — весь зад открыт, ещё и наколка на ляжке тощей! — Светлана Евгеньевна поёжилась и натянула одеяло на голову. — Я на стол накрываю, а она сидит — хоть бы что! Глазками хлопает!! А пьёт как?!! Рюмок пять-шесть проглотила — и хоть бы что! Уж не пьющая ли?!! — она перевернулась на спину, сдёрнула с лица одеяло и уставилась в потолок. — И курит ещё! И Вася с ней, видать, наловчился курить! Раньше-то я не помню, курил он или нет, — она задумалась. — Вроде нет... по крайней мере, при мне не отваживался! А тут на пару выйдут к сараю и смоят в две трубы! Ну разве ж это дело?!»

Мать тяжело вздохнула, из комнаты донёсся тихий смешок, мать тут же зажмурилась, следом послышался тихий игривый шёпот:

— Ну, хватит, перестань. Вдруг мать не спит ещё?..

Светлана Евгеньевна тихонько захрапела.

— Слышишь, спит! — хихикнул кто-то.

— Не, я так не могу...

— Тогда пошли в баню, там ещё тепло...

Дальше сквозь театральный храп слов было не различить, тихо заскрипели половицы, молодые на цыпочках прошмыгнули мимо «спящей» в проходной комнате матери. Светлана Евгеньевна поглядела им вслед.

— Вот какая дрянь! — с тихим гневом произнесла она, сев на кровати, обречённо подумала: «Вот она чем его взяла! Ночная кукушка всегда дневную перекукует!»

Как ни старалась Светлана Евгеньевна успокоить себя делами-заботами, визитами по подружкам,

мыслями разными о хорошем, но неприязнь, как вирусная болезнь, захватывала её организм с каждым днём всё сильнее, напиткивая каждую клетку ядом злости.

— Давай ка, Алина, вареников налепим, пока Вася на фапе работает, — выдавливая елей, обратилась она к умывающейся от сна невестке.

Та в ответ тихо угукнула.

«Угукает она! — вспыхнула внутренне свекровь. — Время двадцать минут одиннадцатого, а она только глаза продрала! Васенька уж как два часа убежал крышу ладить, а она лежит, комыса тянет! Нет чтоб мужу чего вкусного приготовить!»

— Ты, Алиночка, чай наливай, пей с печеньем! — ласковой желчью брызнула Светлана Евгеньевна. — Не... — ответила, потягиваясь, Алина. — Я кофе!

«Что ж ты будешь делать! Хлещет своё кофе по сто раз на дню да курит, как паровоз!!!» — возмутилась про себя свекровь.

Пока невестка пила утренний кофе с сигаретой, Светлана Евгеньевна, замешивая тесто, осуждающе поглядывала на неё в окно, а когда Алина зашла, свекровь тихонько пропела:

— Ты б, Алиночка, с курёшкой-то завязывала, а то, гляди, ещё, чего доброго, дети зелёные родятся... — Не родятся! — отрезала Алина. — Надо будет — брошу!

«Ишь какая, и слова против не допускает!» — резанула глазами Светлана Евгеньевна, а вслух многозначительно произнесла:

— Ну, вам оно лучше знать, вы ж, медики, про здоровье людское лучше знаете... Чего нам, деревенским, вас учить-то?!

Алина смутилась.

— Да брошу я... самой надоело... но всё не получается как-то... — она села за стол и, глядя на Светлану Евгеньевну, разоткровенничалась: — Я курить на втором курсе училища начала, в семнадцать лет. То ли взрослей хотелось казаться...

«Ага! — подумала свекровь. — Зато сейчас девочку корчишь!»

— ...или протест, как в юности бывает, или любовь несчастная тому виной...

«Вот те раз! С семнадцати годов уже не девка!!!» — отчего-то тут же решила Светлана Евгеньевна.

— В общем, сначала вроде как баловством было, а где-то через год поняла, что зависимая...

«Во-во! Зависимая!!! Ещё, поди, какую другую дрянь пробовала!» — закипела Светлана Евгеньевна и, поперхнувшись ядовитой желчью, закашляла.

Алина подпрыгнула и аккуратно постучала свекровь по спине. Та, дёрнувшись, отстранилась.

— Ты садись... кхе-кхе... слюна не в то горло... — и, ещё пару раз кашлянув, Светлана Евгеньевна глянула на невестку строго. — А Вася давно курить начал?

Алина пожала плечами:

— Точно не знаю... Говорил, что в школе, в старших классах где-то...

— Врёшь! — вырвалось у матери.

Алина побледнела, а Светлана Евгеньевна растерянно поясняла:

— Ну не может быть так, Алина, он у меня такой послушный, такой воспитанный мальчик был, его всем в пример на собраниях ставили, учителя хвалили... Да и разве ж я не заметила, если он курил бы? Я его, сколько себя помню, с сигаретой не видела, ну, бывало, запах дыма какой от одежды почую, так это ж он с ребятами, а они-то со школьной скамьи смолили... Может, он перед тобой красовался да приврал лишка?

— Может быть... — урезонила Алина.

Вскоре женщины мирно принялись лепить вареники, Светлана Евгеньевна подробно и красочно вещала невестке обо всех жизненных перипетиях, попутно вставляя назидания и мудрые советы. Алина равнодушно слушала.

Взбешённая бесстыжим щебетанием и нахальными смешками, свекровь оглядывала холодильник: на нижней полке, рядом с различными соусами и соленьями, стояли две полулитровые банки со сметаной, в одной была вчерашняя, а в другой — прогорклая, двухнедельной давности. Сначала Светлана Евгеньевна протянула руку к закишей банке, чтоб немедля выбросить пропавшую приправку, но тут в её воспалённой голове вспыхнул первый каверзный план, и она решительно задвинула стекляшку свежей в дальний угол, выдвинув на видное место негодную...

Василий довольно улыбался, предвкушая сытный обед: в его тарелке парили вареники с картошкой и творогом, очень напоминавшие по размерам пирожки. Он ласково поглядывал на Алину, щедро посыпающую угощение рубленой зеленью.

— Сметанку, Алиночка, достань и положи... — хитро улыбаясь, прощбетала Светлана Евгеньевна. — О!!! — хлопнув, потёр руки Василий.

Алина вынула банку, и, зачерпнув столовой ложкой приличную горку, тут же опрокинула её в чашку мужа — Вася принялся перемешивать, затем положила добрую порцию свекрови, а в довершение — себе.

— Ну! — скомандовал Вася и, сунув вареник в рот, сморщился и выплюнул его обратно.

То же проделала Светлана Евгеньевна. Едва сдерживая самодовольную усмешку, она воскликнула:

— Ты что наделала? Ты где сметану эту взяла?!

Алина испуганно хлопала глазами:

— В холодильнике...

— Не может быть! — лукаво прищурилась свекровь и, схватив банку со стола, направилась к холодильнику. — Вот сметана хорошая! — она торжественно вынула вторую банку.

— Так я ж не знала... — всхлипнула Алина.

— Не знала она! — возмутилась свекровь. — А глаза у тебя на кой? И вообще, пробовать надо, прежде чем на стол ставить. Или тебя ничему мать не научила?!!

Алина вскочила и со слезами выбежала во двор. — Мам, ну ты чё? Ну в самом деле! — и Вася выскочил следом.

— Слыхала, Лизавета, у Светки-то Захаровой невестка-медичка — чистая змея подколодная! — качая головой, начала Марья Степановна.

— Слыхала, Марья, слыхала! — облизнулась Лизавета Андреевна, и обе, тяжело дыша от грузности тел и возраста, опустились на деревянную скамью. — Тут на днях увидала Светку-то в магазине, говорю ей: мол, поздравляю с радостью такой, мол, как хорошо, что сын приехал, да ещё и бабу привёз добрую... А она так, моя, знашь, на меня глянула... — Марья Степановна скорчила лицом вид полной несчастья, отчего Лизавета Андреевна открыла любопытный рот ещё больше. — ...И говорит мне так жалобно: мол, какая там радость, родная моя, оженился парень Бог знает на ком! И знашь, опять так горько поглядела, что и слов больше не надо... и так всё ясно!

— И мне вчера у почты тож пожалились: мол, не так ей жизнь-то в старости виделась-то, живу, мол, в своём доме как в гостях... — вторила Лизавета Андреевна.

Бабы с минутой помолчали.

— А городские, они все страмовки бесстыжие — никакого стыда! — заключила Лизавета Андреевна. — По десяти рукам пройдут, пока до мужика доберутся!

— Да и деревенские сейчас не лучше! — вклинилась Марья Степановна, ведь обе её дочери давно жили в городе, и городские внучки к той поре входили в жениховскую пору. — Вон, глянь как одеваются, чуть не нагишом ходят...

Лизавета Андреевна согласно закивала.

— А вот девка-то эта, Светкина невестка, не смотри что щепь щепью, а с норовом, помяни меня потом, но изведёт Светку таблеткой какой да всё, что есть, оттяпат...

— А чё там тяпать-то? — усомнилась Марья Степановна.

— А чё, думаешь, мало у Светки в кубышке на чёрный день отложено?! Всяко поболее, чем у нас обеих, вместе взятых!

— Васька-то каков! Вишь, мать обижает и словом, и делом, под каблук его эта пигалица загнала, а он, как дурак, и рад!

— Видать, приворожила!

— Опоила!

— Одурманила!!!

На этом словарный запас иссяк, и женщины умолкли.

— Вася, мне кажется, она меня ненавидит... — сказала тихо Алина.

Вася вздрогнул:

— Ну что ты, Алина, говоришь?! Моя мать — добрейшей души человек!

— Это к тебе, Вася! К тебе! А я ей чужая, не сказать больше — враг! — настаивала Алина.

— Ты меня убиваешь, Аля... — горько вздохнул Вася. — Вот с чего ты это взяла?

— Вася, не беси меня! — злилась Аля. — Ну ты что, правда слепой или, как страус, видеть не хочешь?.. Она ж на меня смотрит так, что кожа горит, а говорит так... ехидно, плавно, словно жалит!

— Не говори так! Иначе поругаемся! Ты пойми, она моя мать...

— И что? — равнодушно ответила Алина и решительно добавила: — А я твоя жена и будущая мать твоих детей!

— Потерпи, родная, ещё пару дней — и ремонт в фаше доделаю. Пусть фашовская квартирка крохотная, но будем там жить, раз вместе вы не уживаетесь...

Алина радостно обняла мужа.

Поздним февральским вечером, когда зимняя стужа жалобно скулила за окном, пытаюсь втиснуть озябшую душу во всякую домовую щель, бабка Елена протяжно пропела аллилуйю и, перекрестившись, принялась готовиться ко сну, в крохотное окно её скосившейся от дряхлости избы постучали.

Старуха повязала наголовник и пошаркала в сени.

— Кто там? — проскрипела она глухо.

— Эт я, бабка Лена, Васька Захаров.

Крючень звонко лязгнул, и дверь отворилась. — Васятка! Ох, мужик так мужик вымахал! — воскрилась бабка.

— Баб Лена, ты уж извини, что тревожу в поздний час... — принялся извиняться Васька.

— Да будь те! Ничё! Не спала ишо!

— Маманя заболела. Алина, жена моя, она фельдшер, слышала наверняка...

Старуха закивала.

— Санрейс собралась вызывать, а мать — ни в какую! Мол, помру — и ладно! Ни таблетки не пьёт, ни укол поставить не позволяет... Чё делать, ума не приложу. Ругайся не ругайся — как баран упёрлась: мол, либо помру, либо само пройдёт! Одно позволила — тебя позвать: мол, ты её только вылечить можешь!

Старуха насторожённо качнула головой:

— Ладно, сын, соберуся сейчас, обожди малость...

Войдя в дом, взору бабки Лены открылась живописная картина: на переднем плане, низко опустив голову, сидела заплаканная невестка, неподалёку от неё, на собранном диване, укрытая пледом,

лежала на спине Светлана Евгеньевна, с видом полной отрешённости и безутешной скорби она что-то тихонько причитала, а заметив старуху и сына, лишь вяло качнула головой и пустила очередную струйку слёз.

— Ну, дети,—громко сказала бабка,—шуруйте-ка вы домой!

— Как?—в голос откликнулись Василий и Алина.
— Как? Ногами!—хохотнула старуха.—Ступай-те-ступайте, неча тут сидеть, чай, не панихида ешо!—она скинула платок и полушубок и вышла в центр кухни.—Чего раззявились, а?! Ну-ка домой!

— А как же санрейс?

— А если что?—наперебой принялись молодые.
— Будя вам панику наводить! У ей голова болит, а голова, знамо дело... поболит и перестанет. А вам спать положено, особенно тебе, дочь!

Алина и Вася переглянулись.

— Идите, вам говорят!

Они нерешительно начали одеваться.

— Да, придёте домой—ни о чём не беспокойтесь, ложитесь спать с Богом, мать ваша ещё молодая, ещё поживёт!

— Баб Лен, так может, попозже за вами прийти, вы скажите когда, я приду, провожу вас до дому,—предложил Василий.

— Эт ещё зачем? Я не девка на выданье, чтоб меня до дому по ночи провожать, да и ты, кажись, не холостой!—она глухо засмеялась.

Василий поддержал:

— Ну вот, все карты попутала!

— Эх, страмец!—подмигнула бабка.

— Но всё ж, бабка Лена, темно ведь и зима. Может, всё-таки прийти?

— Брось! Я хоть и старая, но в уме, уж дорогу домой знаю.

— А вам не страшно?—искренне удивилась Алина.— Тут краем леса кладбище видно...

— И чё?—так же искренне удивилась бабка, а после прибавила:— Эх, дочь, не мёртвых бояться надо, а живых! Ну ладно, идите уже!—и она присела на дальний стул у стола.

Как только семейство покинуло избу, бабка Лена вскочила:

— А ну, Светка, вставай! Вставай сейчас же!

Сдёрнув с шестка кухонное полотенце, бабка Лена принялась хлестать «умирающую», приговаривая:

— Ишь, она развалилась! Ишь, она помирает, страмовка! Ишь, она прихилится!

Светлана Евгеньевна, немало испугавшись, подпрыгнула на диване и, укрывая лицо от летающей над ней тряпки, заорала:

— Ты что, бабка Лена, из ума выжилась?! Мне и так плохо!!!

— А!—яростно ответила бабка Лена.—Голос прорезался! На тебе! На тебе!—она ещё бойчее стегала

большую.—Ишь, плохо ей! Как плохо ей! А сейчас хорошо! Так лучше будет!

— Хватит!—крикнула Светлана, ухватив край полотенца.

Бабка Лена отпустила свой кусок тряпки и, тяжело дыша от резких интенсивных движений, уже спокойно сказала:

— И не стыдно тебе, Светка?! Такую дрянь в себе выпестовала! Ишь, слезами брызжешь, одну себя жалешь и видишь! Это ты из ума выжила в край, вот и мнишь мир как в зеркале обратном!

— Что ты говоришь, старая?! Молчи, если не знаешь...—зарыдала Светлана Евгеньевна, уткнувшись в полотенце.

— Да знаю я всё,—осуждающе прохрипела старуха.—Знаю про то, как ты жалишься всем на невестку свою, про приворот какой-то без ума молотишь, про порчу да сглаз!

Светлана Евгеньевна вскинула глаза, полные злости:

— А что, тебе ли объяснять, как такие дела делаются?! Уж ты-то, поди, на своём веку немало всякой дряни-то делала! Или хочешь сказать, что на парне моём Васятке приворота никакого не имеется?! Или сам он, по доброй воле, из дому за этой верхоствкой пошёл?—кричала она утробным голосом сквозь едкие слёзы.

Бабка Лена, сузив глаза, лишь покачала головой и, резко хватив кружку с водой, стоящую рядом с болезной, плеснула в её яростные очи!

Светлана Евгеньевна смолкла...

— Охолонилась?—тихо сказала бабка.— А теперь слушай, да как следоват! Сердцем слушай...— бабка Лена придвинула стул и села вплотную к Светлане.— Ты, Света, бабой хорошей всегда была, но горделивой, а гордыня, она—смертный грех! От гордыни бабскому счастью случиться не позволила, от гордыни Ваську растила будь для самой себя, а не для мира и людей, от гордыни надеждами глупыми тешилась, а жизнь-то таковой, как есть, принять так гордыня и не позволила! Тебе б жить да радоваться, а гордыня не позволит...

Света тихо заскулила. Елена Васильевна бережно провела сморщенной рукой по её голове:

— Плачь, родная, плачь... Я на твои слова обиды не держу, это не твои слова, а беса горделивого, что в каждом из нас сидит. Я порой своего вижу, прячется он в тёмных потайных углах, корчится, алкает—всё заскочить в душу норовит, порой только стоит подумать, что, дескать, не сложилось в жизни чего, как у других исполнилось,—он уж тут как тут, влез да хозяйничать начал, мысли глупые и скверные нашёптывать, злобу разжигать... Уж тут я его гоню! Перед Богоматерью каюсь и плачу, чтоб Господь избавил...

Светлана Евгеньевна заплакала в голос.

— Хорошую у нас церкву срубили, всё зайти который год собираюсь, но то ли не привычная

на людях молиться, то ли дремучая шибко, старым укладом живу... времени... Как почую, что близок час последний, пойду упросить батюшку, чтоб отпел мою душу грешнику да икону в храм поставил. Семнадцатого века икона моя, по древним канонам писана... — она немного задумалась, а потом, глубоко вздохнув, продолжила: — А ты-то ходишь в церкву, крест, гляжу, носишь, а Божье смирение в душу не пускаешь... Это человека словом прихильным да жалостным обмануть можно, а от Его ничё не утаишь. Всё видит! Всё знает! А теперь умой лицо, молиться и каяться будем, каяться и молиться!

То ли молитва благодатная просветлила одурманенный ревностью ум, то ли известие о беременности невестки — неведомо, но успокоилась Светлана Евгеньевна и даже благословила сына на вольную жизнь.

Жарким июньским вечером спустилась Алина к роднику, живот у неё был уже велик, оттого взяла она по воду лишь пятилитровый бидончик. Возможно, это было лишь прихотью по беременности, но пить ей последнее время хотелось лишь этой кристально прозрачной ледяной воды. Обогнув высокий пригорок, она заметила сидящую у ключа бабушку Лену, та черпала ладошами воду и жадными глотками приникала к воде. Оглянувшись на Алину, старуха довольно крикнула:

— Эх, студёна! Век бы ещё пила! А ты, гляжу, тоже пристрастилась к родниковой-то?!

Алина кивнула и поздоровалась с бабушкой.

— И тебе здоровья! Вот жарница-то, — поморщилась бабушка Лена. — В такую жару помирать страшно, завоняешь быстро, по зиме б оно лучше было, но опять — людям мучиться, могилу-то попробуй выдолби! — рассуждала она вслух.

Алина поморщилась:

— Что вы такое говорите?! Вам ещё жить да жить! — Мож быть, мож быть, кто его знает! — и, медленно распрямляя старые кости, тихо закричала. — Говорю то, что по жизни положено, всякому веку конец приходит, на том жизнь и стоит, одна баба из миру уйдёт, другая народится...

Алина не разобрала половины слов, но переспрашивать бабушку не стала. Та, отодвинувшись в сторонку, уступила Алине путь:

— Набирай водицу, я обожду, а после одной дозой пойдём, всё хоть не молчком идти.

Алина набрала воды, не удержалась, отпила вдоволь из бидона и наполнила его снова. Старуха тем временем одобрительно кивала.

Медленно шагая в гору, бабушка тихо шелестела губами.

— А что вы шепчете? Будто говорите с кем... — спросила Алина.

— Да бабушку вспомнила свою.

— А правда люди говорят, будто вы ведьма? — не удержавшись от соблазна разрешить давно мучающий её вопрос, с наивной улыбкой спросила Алина.

Старуха искренне рассмеялась:

— Врут, доча, врут, травница я всего лишь, а люди по невежеству молотят невестку чего. Ведьмы то, они в церковь не ходят!

— А вы в церковь идёте? — оживилась Алина.

— В неё, — кивнула старуха.

— А я на ФАП, нам в одну сторону!

— Ага, — кивнула старуха.

— Слышала, Марья, прошлой ночью старуха Лена померла?!

— Да слышала уж... новость-то не свежая, я уж пару часов как знаю, — зевнула Марья.

— Ишь, а я только сейчас услышала, — с сожалением в голосе произнесла Лизавета.

— Видать, врут, что колдуны-то тяжко помирают, что крышу там разбирать приходится и прочее другое. Тут старуха спать легла и преставилась! — А шут его знает! — махнула рукой Лизавета.

— Жалко старуху...

И обе вздохнули печально.

— Эй, Лизавета Андревна и Марья Степанна, слышали?! — раздалось от соседнего дома, где, облокотившись на прясла, кричала их общая товарка Марина Алексеевна.

— Чего, Алексеевна? — хором проорали бабы.

— Медичка-то наша девку родила! Васька сказал, Ленкой назову.

— Да ты чё?! — и бабы двинулись навстречу радостной новости.

Приходят в мир бабы, уходят, сменяются столетия, режимы, вращается Земля... но что бы ни было — мир, вражда или забвение, ревнут мои бабы: глупые, хитрые, завистливые, ревнивые, сердобольные и злые... ведь и сама деревня живёт, лишь куда живо моё неистребимое бабское племя.